

Культура

Неблудный сын Тодоровский

Виктор МАТИЗЕН

Беседа с режиссером Валерием Тодоровским состоялась вскоре после премьеры его нового фильма «Мой сводный брат Франкенштейн».

На завершившемся недавно ММКФ картина получила приз Федерации кино клубов России. О «Сводном брате» мы уже подробно рассказывали. В мирной семье вдруг появляется внебрачный сын главы семейства, полусумасшедший инвалид войны...

— Многие постановщики признаются, что не любят современность и не знают, как за нее взяться. Отсюда уход в другие времена: у Огородникова в 40-е, у Урсуляка — в 50-е, у Чухрая — в 70-е. А у вас, что ни картина, все о нас сегодняшних...

— Я исхожу из того, что надо снимать тот фильм, который тебе в эту минуту хочется снимать. Вот сейчас мне хочется сделать костюмный фильм, и уже есть наброски. А страха перед современностью у меня нет. Про что же еще рассказывать, как не про нашу жизнь? Наоборот, страшно снимать фильмы про другую действительность, которую ты не знаешь...

— В картине просматриваются несколько классических мотивов: мотив вампиловского «Старшего сына», мотив так называемого «подменного сына», который на самом деле монстр, мотив встречи с прошлым, мотив «скрытого чужого», мотив простака, который остраивает окружающий мир и проверяет его на подлинность. Это сознательная переключка?

— Нет. Как только я начинаю сознательно использовать чьи-то средства, я уже не могу снимать кино. Но, конечно, эта история несет следы архетипических сюжетов — как и почти все другие истории.

— Вы списали героя с натуры? Наблюдали похожие случаи?

— Нет. Но я говорил с врачами-психиатрами. Показывал им сценарий. Они сказали: да, таких ребят полно. Вроде нормальные, но вдруг словно срабатывает переключатель — они становятся пугливыми и агрессивными, везде видят врагов, и так все время. Словом, мне подтвердили достоверность такого состояния.

— Спиваковскому было трудно войти в образ полупомешанного инвалида?

— Ему было трудно не столько психологически, сколько физически. Он вынужден был походить на 14 кг.

— На столько же потелстела Шарлиз Терон, чтобы сыграть в «Монстре». Но зачем вам это понадобилось?

— Я хотел, чтобы герой выглядел полуробенком-полумужчиной. К тому же он не мог быть пухлым, он не так

хорошо питался. Кроме того, Спиваковскому на протяжении всего съемочного периода, а это два месяца, в 8 утра заклеивали один глаз и снимали грим только в 10 вечера. Так что он в полном смысле слова побывал в шкуре своего персонажа.

— В картине есть эпизод, где ребята смотрят фильм про Франкенштейна, которого играет, кажется, Борис Карлоф, и Спиваковский действительно на него похож. Скажете, что и это случайность?

— Скажу. Дело в том, что я вообще не хотел показывать Франкенштейна в кадре. Но потом подумал, что не все зрители такие продвинутые, как эти мальчики и девочки, и не все видели, как выглядит Франкенштейн, если вообще знают, кто это такой.

— Тогда зачем вы сбиваете их с толку названием своей картины? Вы-то знаете, что Франкенштейн — фамилия ученого, который создал монстра, а не сам монстр...

— За два века, что прошли с того времени, как Мэри Шелли написала свой роман, имя создателя стало именем создания. И я не стал напоминать об истине.

— У Ярмольника и Яковлевой есть очень сильная и необычная сцена, где они дерутся. Мне она показалась почти документальной. Вы что, в самом деле заставили их сцепиться?

— Не заставил, конечно, но с трудом уговорил — они никак не хотели драться. Полдня уговаривал. Сделали три дубля. Они трижды схватывались, потом трижды обнимались и плакали, и продолжали обниматься и плакать даже после команды «Стоп!».

«Ярмольник и Яковлева никак не хотели драться. Трижды схватывались, потом трижды обнимались и плакали...»

— На мой взгляд, Ярмольник играет гуманитария, лирика, а не физика.

— Он играет неудачника. Мне нужен был среднеарифметический человек с хорошими мозгами, не интегрированный в жизнь. Физик понадобился лишь для того, чтобы Павлик мог накрутить про секретность и про лазерный двигатель... Он ушел из института и с тех пор как-то вертится.

— Многим показалось, что в момент, когда Павлик похищает семью и увозит ее на дачу, фильм меняет жанр и сваливается из реалистической драмы в триллер.

— Смещение жанров, наверное, есть. Но я и хотел начать одним, а закончить другим, ударив зрителя по голове. Я хотел рассказать бытовую историю, которая должна была прорваться в триллер. Это была серьезная сценарная и режиссерская проблема. Я решил

ИТАР-ТАСС

событий. Вы сами сказали, что у вас было двадцать вариантов концовки.

— Мы действительно искали финал, рассматривая в том числе и возможность хеппи-энда. Но не нашли. Нашли двадцать плохих вариантов, один хуже другого. Я выбрал тот финал, который выбрал, из-за его парадоксальности. Герой похищает семью и ставит ее под угрозу, думая, будто он ее защищает. Все предшествующее было подготовкой к этому.

— Но в этом финале многое не понятно. Зачем ОМОНу стрелять в парня? Его можно взять голыми руками после того, как он отстреляет обойму. Но палить в больного?! Мне не очень ясно и поведение родителей — он же не угрожает ни им, ни брату с сестрой...

— Они все настолько перепуганы, что уже ничего не соображают. Они так боятся, что не предпринимают никаких попыток выйти. Они имеют дело с вооруженным сумасшедшим. Не надо, чтобы он их бил, пинал, тыкал пистолетом в лицо. Им кажется, что он способен на все.

— Вы сами продюсер, а тут работали как режиссер с актером и продюсером Леонидом Ярмольником, с начальником и

подчиненным в одном лице. Это сложно?

— Совсем нет. Он очень дисциплинированный исполнитель и толковый, чрезвычайно ответственный начальник. Он взял на себя организационно-финансовую часть и все делал безукоризненно. Я не занимался деньгами, сроками и прочим. Мне кажется, я тоже выполнил условия нашего соглашения: помнил, сколько у меня съемочных дней, и знал, в какой бюджет должен уложиться.

— Ваш отец — известный и всеми любимый режиссер. Чем вы у него научились?

— Доверять себе, своим силам. Не критикам, не коллегам, не зрителям, не моде. Он всегда говорил: делай, что хочешь и как хочешь. Если провалишься, это будет твой провал. Сделаешь дерьмо — это будет твое дерьмо. Самое страшное — сбить мушку и начать пристреливаться во все стороны сразу. Это его главная установка, которая стала моей.

— Можно ли сказать, что вы совместили режиссерское дарование отца и продюсерские способности матери?

— Если это и так, то произошло это без моего участия. Я плыву по течению. Что могу — то могу. Чего не могу, не обесцудьте...